молитва под обстрелом

ЕЛЕНА ДРАПЕКО

нена Григорьевна Драпеко — актриса, политик, общественный деятель и депутат Государственной думы России. Известна благодаря роли здесь тихие», где сыграла главную роль. Дебютная в карьере актрисы картина принесла ей оглушительный успех и навсегда закрепила за ней образ стойкой и самоотверженной героини, а такой Елену Драпеко воспитывали с детства. Ребёнок послевоенных лет, она росла самостоятельной, а в день своего шестнадцатилетия девушка потеряла отца и вовсе стала опорой семьи, что помогало укрепить дух после трагедии. Как репетиция спектакля привела актрису в церковь, как Вера помогает ей в работе и жизни и кого она благодарит за сохранённую жизнь, которую не один раз подвергала смертельному риску...

- Переломным моментом в вашей жизни стал год, когда Вы потеряли отца, Вам было тогда 16 лет. Вы хоронили его в собственный день рождения. Я не могу себе это представить. Это очень тяжело. Что вы испытали тогда?
- Но у меня в жизни много было таких страшных совпадений. Хорошее совпадение, это одно вот из них. Когда я только родилась, отец сказал моей маме: «Уж Леночку то я до 16 лет выращу». И действительно, ровно в день моего шестнадцатилетия я его хоронила. И, действительно, с этого момента я стала главой семьи. Так как-то случилось, что все решения, ответственность, ну и всякая физическая работа тоже легли на мои плечи.
 - Это ведь очень тяжело!
- Ну, тяжело, но на самом деле это очень воспитывает душу. Знаете, когда ты за кого-то отвечаешь, а мне казалось, что я отвечаю за мою маму, прежде всего, то как-то сразу взрослеешь и все умеешь. Вот это удивительно. До этого я почти ничего не умела, а тут я сразу всему научилась. Я научилась работать топором и молотком, и если надо было забить гвоздь или там что-то разрубить то это я. У нас с мамой был огород. Ну, после войны практически у всех были

огороды. С продуктами было не очень хорошо, да и как-то вот после блокады в Ленинграде осталась ещё память о голоде, поэтому все сажали картошку. И мы тоже сажали картошку. Моя работа была огород вскопать, картошку посадить, потом её надо было окучить, потом её надо было выкопать, а потом её надо было принести в мешках и положить в подвале. Вот это вот довольно тяжёлая физическая работа, она меня, так сказать, приучила к физическому труду. И вы знаете, вот это через не могу, через не хочу преодоление. Оно очень воспитывает душу, как ни странно, но у меня был стимул. Я это делала ради мамы.

— A как случилось, что вы через несколько лет после смерти папы крестились в 20 лет?

— Вы знаете, я была студенткой, причём театрального института. И мы ставили пьесу — «Грозу» Островского. А там, если вы помните, начинается все с того, что из церкви со службы идёт Кабаниха со своей семьёй. Так как мы ничего ни про церковь, ни про службу не знали, наш профессор, замечательный профессор Макарьев, велел нам немедленно отправляться и смотреть в храм, чтобы мы знали, что такое служба. И мы пошли в Александро-Невскую лавру,

которая находится в центре Петербурга. Отстояли там службу, посмотрели, что это такое, и познакомились с замечательными ребятами. Они были студентами, слушателями семинарии. Там же Академия и семинария. Они нам сказали: «А вы к нам приходите! У нас скоро будут выпускные экзамены и службы выпускные. Приходите посмотреть, как значит, мы будем сдавать».

Мы как-то с ними очень задружились, они стали в гости приходить, и я помню, мы сидим у моей подруги Веры, там, около Московского вокзала, и они так бойко на старославянском читали нам тексты. Понимаете? И нам так понравилось! А потом они нам стали что-то рассказывать про свою жизнь, про то, почему они выбрали этот путь, и вы знаете, очень заинтересовали меня. Когда я сказала, что я не крещёная, мои коммунистические родители меня

не крестили, мне сказали: «Ну как же это! Человек крещёный — он принадлежит к нашему миру православному. Я вдруг представила себе этот наш православный мир от Калининграда до Чукотки, гигантскую нашу страну православную, понимаете? Так и я тоже захотела туда вот, в этот мир православия, потому что все наши ценности, о которых мы говорили как о коммунистических ценностях, они же произошли все — из ценностей православных!

И поэтому, очень лёгкий был переход от моего пионерского детства к этим православным ценностям. Я их принимала точно так же, как я в детстве принимала те же заповеди... Человек человеку друг, товарищ и брат. Да, это вот заповедь, которая была в моём детстве — почитай отца и мать. Поэтому я договорилась — там же, в Александро-Невской лавре, в главном соборе, меня крестили! И я очень рада этому обстоятельству, потому что я вдруг действительно почувствовала, что я как бы вошла в семью какую-то очень большую семью православных.

- Елена Григорьевна, а как Вера помогает вам в работе?

— Самое главное не унывать, понимаете, вот этот грех уныния, когда упрёшься, и не получается, и никто с тобой не согласен, и все говорят, что этого никогда не будет, особенно это в работе в Государственной Думе тяжело. Но главное не унывать и искать союзников, потому что добро оно как-то, знаете, притягивается друг к другу. И я очень благодарна Силам Небесным за то, что они мне дают время на то, чтобы этим заниматься... Все-таки лет мне много. А здоровье у меня спасибо, Господи, хорошее.

— В картине «А зори здесь тихие» вся съёмочная группа были фронтовиками: и Ростоцкий, и Борис Васильев, автор произведения, кстати, как Вам работалось с ними?

— Да, хорошо работалось. Мы все очень подружились. Ростоцкий, кстати, режиссёр наш замечательный, был человек удивительный, совершенно необыкновенный. Он много потратил времени на то, чтобы мы все друг другу про себя все рассказали. Приезжали фронтовики, друзья Ростоцкого. А мы ж снимали в Карелии там места фантастические: озера, леса, сосновые скалы. Да и вот там разведут костёр наши мужички, а ещё лучше, когда

наловят рыбы в озёрах и такую Каменку печурку сложат и в коробках из-под

плёнки жестяных рыбку жарят, ну и нас зовут. Сидят у костра, песни поют фронтовые. Вот, ну и какие-то истории mo Станислав расскажет, то ктото из группы, все же прошли. войну Костюмерша наша

была санитаркой. Оператор, Шумский Вячеслав Михайлович, тоже фронтовик.

— На съёмочной площадке то, как Вы играли, это было страшно. Вы тонули в болоте, это была страшная картина.

— Картина не страшная, если вы вспомните её и ещё раз посмотрите. Вся первая серия сплошной хохот. Там такие остроумные были слова, которые потом народ растаскал на фразы. Замечательный фильм. И они все очень живые. Поэтому их и жалко, что они погибли, потому что жизнь убили, понимаете? Фильм то — о чем? Фильм — о самопожертвовании! О том, как человек становится героем, как он за други своя, готов жизнь отдать.

Понимаете? Вот это первая из заповедей «Положить жизнь за други своя», да?

Вот, эти девочки, они могли бы, наверное, спастись, если бы спрятались. Но, они понимали, что за ними, за их, в общем-то, детскими плечами стоит страна! Про это был фильм — как в них, в этих детях, фактически девочках, вырастает герой и что это такое — герой, да?! И как преодолеть страх, ведь

страшно же... конечно! Но преодолеть страх нельзя, говорят, что все боятся. Но надо выполнить долг в условиях, когда это грозит смертью. Понимаете, вот в этом — и есть величие подвига!

— А потом, после этой картины на Вас обрушился просто бешеный успех. Вас стали узнавать на улице, приглашать на фильмы. Как удавалось смирить эту самую гордыню?

Ну с этой гордыней было просто. Наш режиссёр, Ростоцкий, Станислав объяснил, что все эти овации, цветы и поклонения это не нам, а нашим героиням, тем, кого мы понимаете? играли, олицетворяют своих героев, да, вот с нами с актёрами. И поэтому надо быть достойной этой любви. И мне даже кажется, что не столько я сыграла Лизу Бричкину, сколько она вот своим появлением сформировала меня как человека, потому что люди во

мне до сих пор видят Лизу Бричкину. И это ей они благодарные, это ей они несут цветы, понимаете, это её на 9 мая поздравляют. Меня поздравляют, как будто это я воевала. Понимаете, это Лиза воевала!

— В Вашей жизни была ситуация, когда Вас благословили перед командировкой и тем самым спасли Вам жизнь, когда Вы чуть не погибли в самолёте?

— Ой, да! Вы знаете, я потом много лет берегла этот крестик. Мне надо было лететь в командировку. Причём, я только что похоронила маму, отпела её в нашем храме в Царском селе, восстановленном замечательном храме. Мне надо было улетать, и что-то у меня на душе... вот, знаете, бывает, кошки скребут. Я подруге своей говорю: «Слушай, давай, пойдём, благословение попросим на поездку у нашего священника. Мы пришли, а его нет. Попросили его найти, а время уже самолёт. Вот и он

поднялся. Он отдыхал после обеда. Он поднялся, оделся, вышел к нам и благословил нас на полёт. И благословил нам вот эти крестики, так сказать, нательные наши, и мы улетели оттуда. Я улетала первая. Подруга оставалась, а я улетела...

Я села в самолёт, и все нормально, вроде. Взлетели, а потом вдруг вижу что-то происходит. Все суетятся, все застыли. Оказалось, мы вырабатываем керосин над Абаканом. И вот три с половиной часа кружил самолёт, пока мы не выработали керосин. А потом, когда мы сели на взлётной полосе стояли скорые помощи и пожарные машины.

Половина людей, которые со мной в самолёте летели, они отказались лететь. Вот... А я, в общем, дальше полетела, но считаю, что вот именно это благословение меня и спасло! Ну и вообще, было много случаев, когда, мне кажется, что мне помогала какая-то Сила. Вот, то ли Ангелы Хранители со мной... Я их чувствую. Я им очень благодарна. Я и на фронте была, и под обстрелами была, где выжила в Афганистане.

Мы целый месяц ездили на фронт с концертами. Были политуправления в советской армии такие, бригады актёрские. Они и сейчас есть, которые выезжают в горячие точки и выступают перед солдатами. Вот, я была в такой бригаде. Вместе мы ездили на броне, нам дали бронетранспортёры, дали охрану. Но когда едешь, думаешь: Господи помилуй, Господи, спаси, потому что как начнётся обстрел, так страшно! Но есть слово надо! И переступаешь через страх. Главное, ты побеждаешь в себе вот этого маленького, трусливого человечка. Его в себе задавливаешь и идёшь, потому что надо, потому что тебя там ждут.

Я думаю сейчас о наших священниках, которые окормляют нашу армию и в Сирии, и в других горячих точках, которые выезжают на Донбасс, ведь это же замечательные люди, и вот для меня в этом и есть святость. Понимая, что ты рискуешь — ты идёшь и делаешь! Такие люди, для меня пример в жизни.

- А за что вы благодарны Богу?
- Я за все благодарна. Я благодарна за то, что родилась в самой лучшей на свете стране, что мне повезло с родителями. У меня были замечательные родители! Ну и хотя бы за то, что я до сих пор живу. Не всем повезло дожить до таких лет. Ещё Господь даёт мне силы работать! Я очень люблю свою работу. И актёрскую работу, и депутатскую работу. Я считаю, что надо мной, как будто, знаете, какой-то зонтик, или, вот, те же Ангелы Хранители, которые за спиной моей стоят всю жизнь.
- Если бы Вам прямо сейчас сказали, что Бог может ответить на любую Вашу просьбу, чтобы Вы у него попросили?
- Я попросила бы у Него мира для людей, чтобы люди забыли, что такое война. Со всем остальным мы справимся... но вот этот ужас войны! Раненые и убитые на войне дети нет ничего страшнее. Поэтому, Господи, если Ты нас слышишь, убереги нас от войны!

Источник: https://spastv.ru/elena-drapeko-molitva-pod-obstrelom-belye-nochi-na-spase

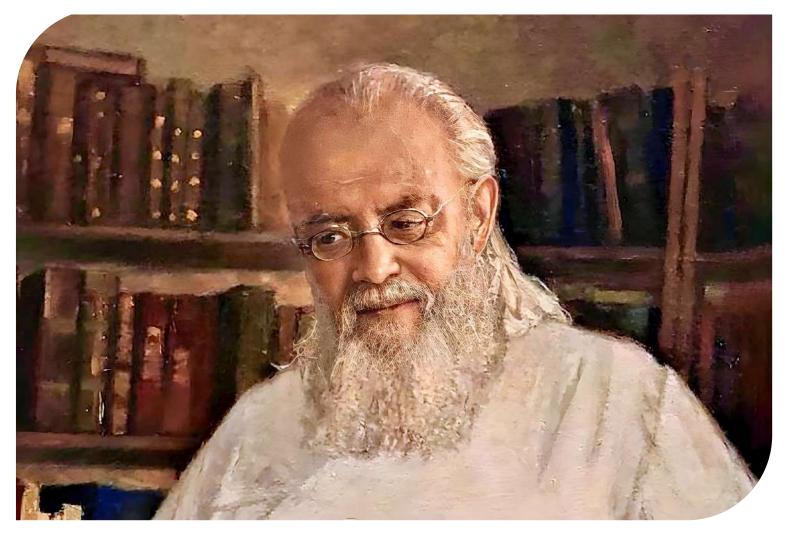
"НЕДОЛГИЕ КОЛЕБАНИЯ КОНЧИЛИСЬ РЕШЕНИЕМ, ЧТО Я НЕ ВПРАВЕ ЗАНИМАТЬСЯ ТЕМ, ЧТО МНЕ НРАВИТСЯ, НО ОБЯЗАН ЗАНИМАТЬСЯ ТЕМ, ЧТО

ПОЛЕЗНО ДЛЯ СТРАДАЮЩИХ ЛЮДЕЙ!"

СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА КРЫМСКИЙ

вятитель Лука Крымский (1877-1961) — один из самых известных святых, живших в XX в. Он был блестящим врачом-хирургом, внес много нового в медицинскую науку. Написал один из известнейших трудов «Очерки гнойной хирургии», за что, уже будучи священником и архиереем Церкви, получил Сталинскую премию. Работал простым земским врачом, помогал бедным, трудился в военных госпиталях, преподавал и учил будущих медиков словом и делом.

Кстати, о медицине будущий "святой врач" не помышлял — он хотел стать художником. Но недолго поучившись живописи, вдруг подал документы на медицинский факультет Киевского университета. "Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей", — вспоминал впоследствии архиепископ Лука.

Во время Первой мировой войны в будущем святителе пробудилось глубокое религиозное чувство. После смерти жены он принял священный сан, а позднее — монашеский постриг и архиерейскую хиротонию. Говорят, что изначально предполагалось дать ему имя Пантелеимон, в честь прославленного Богом христианского целителя, но в итоге он был наречен в честь апостола и евангелиста Луки, который был художником и врачом.

Став епископом в тяжелые для Церкви годы, святитель Лука не оставил врачебную практику, и в то же время совершал богослужения и управлял поочередно пятью епархиями. Лекции он читал в священническом облачении, в облачении же являлся на совещания врачей. Перед каждой операцией молился, благословлял больных.

Написал богословское эссе «Дух, душа, тело», посвященное изучению духа и души человека, а также учению Священного Писания о сердце, как органе богопознания.

Четыре раза подвергался арестам и ссылкам по различным обвинениям. "В самое трудное время, — писал владыка, — я очень ясно, почти реально ощущал, что рядом со мной Сам Господь Бог Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня".

Владыка Лука всю жизнь был чуток к чужим бедам. Большую часть своей Сталинской премии он пожертвовал на детей, пострадавших от последствий войны; устраивал обеды для бедных; ежемесячно рассылал денежную помощь гонимым священнослужителям, лишенным возможности зарабатывать на хлеб."

Главное в жизни — делать добро. Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое", — говорил будущий святитель. В мае 1946 года он стал архиепископом Симферопольским и Крымским. К тому времени он уже не практиковал как врач, поскольку полностью ослеп, но продолжал консультировать больных. Слепота, однако, не мешала владыке совершать богослужения. Управлял Симферопольской епархией до своей смерти в 1961 г.

Причислен к лику местночтимых святых Украинской Православной Церковью в 1995 г., через год были обретены его мощи. В 2000 г. святитель Лука канонизирован для общецерковного почитания на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви.

Его мощи покоятся в главном храме симферопольского Свято-Троицкого женского монастыря в серебряной раке, подаренной в 2001 г. греками, которые почитают святителя. По молитвам к нему задокументированы многочисленные случаи исцеления.

В настоящее время в России, на Украине и в Греции открыто много храмов во имя святителя Луки.

В северной столице ему посвящены восемь храмов и две часовни, в основном — при медицинских учреждениях. Общество православных врачей Санкт-Петербурга также носит имя святителя Луки. В 2011 году городская больница ЛОМО (Ленинградского оптико-механического объединения) была переименована в Клиническую больницу имени Святителя Луки. Сейчас это многопрофильный стационар, ориентированный на оказание высокотехнологичной медицинской помощи. При больнице действует домовый храм с одноименным посвящением.

"Всякая любовь благословенна, но это начальная, низшая форма любви, ибо от нее, путем научения в ней, мы должны возвыситься до гораздо более высокой любви ко всем людям, ко всем несчастным, страдающим. От нее мы должны возвыситься до третьей степени любви — любви божественной, любви к Самому Богу.

Помоги, Господи, любить Тебя до конца жизни нашей, помоги следовать по пути, который Ты указал нам. Помоги избавиться от власти диавола, от искушений, творимых им. Веди нас по пути спасения и приведи нас во Царствие Твое. Аминь".

Источник: https://dzen.ru/a/Y_EH3yDvZwEOvdTH

